

Узактылы гетектыл

Г•А•Л•И•Н•А

КУЛИКОВА

Выжить среди мужчин,
или Дырка от бублика

Галина Михайловна Куликова
Выжить среди мужчин
или Дырка от бублика
Серия «Изящный детектив
от Галины Куликовой»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121147*

*Дырка от бублика: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 978-5-699-17136-1*

Аннотация

Воскресным вечером Элла Астапова приехала в гости к родным, которые собрались у экрана телевизора за просмотром популярного ток-шоу «Затруднительное положение». Именно из этого шоу Элла узнала, что ее муж Игорек бессовестно изменял ей весь год замужества. Его дама сердца появилась на экране и рассказала всей стране о том, как они вдвоем обманывали наивную бедняжку. Всю ночь Элла в шоке блуждала по городу, а наутро ей сообщили, что неверный супруг убит, а ее разыскивает милиция как главную кандидатку на роль преступницы. Начальник неожиданно повел себя как добрый папочка и предложил Элле спрятаться – под чужим

именем устроиться секретарем к частному детективу, которому поручено... отыскать скрывающуюся убийцу Элли Астапову!..

Содержание

1	5
2	21
3	38
4	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Галина Куликова

Выжить среди мужчин или Дырка от бублика

1

– В этом есть нечто противоестественное, – с кислой физиономией сказала Римма. – Она является на воскресный ужин в шерстяном костюмчике а-ля баба Дуня, у нее растрепанные волосы, жуткие очки – и она счастлива!

– Римма, не будь злой! – шепотом одернул ее Юрий. – Все-таки она твоя сестра.

– Я не говорю, что желаю ей плохого, – отмахнулась та. – Я говорю, что это противоестественно. Больше года она замужем, и до сих пор ничего не случилось! С Элкой всегда что-нибудь случается – она жуткая неудачница. У нее такие гены, и с этим ничего не поделаешь.

– Римма, прекрати! – Юрий был полным, румяным и представительным. Очки сидели на коротком носу важно, словно несли государственную службу.

– Юрочка, ты не понимаешь. Когда у Элки очередная катастрофа, я знаю, что все путем, жизнь идет как надо. Но это странное затишье... Да, конечно, она постоянно обливается

чаем и теряет вещи, однако это все мелочи, все не то.

– Ты драматизируешь ситуацию.

– Да ладно! У тебя просто комплекс вины. Ты с ней познакомился, ухаживал, а женился на мне.

– Нет у меня никакого комплекса! – напыжившись, сказал Юрий. – И это не я на тебе женился, а ты вышла за меня замуж. Научись называть вещи своими именами.

Римма закинула ногу на ногу и как бы между прочим спросила:

– Не хочешь же ты сказать, что жалеешь?

– Конечно, нет! – с жаром ответил он. – Просто... Элла очень цельная личность и заслужила личное счастье. Несмотря на твое вечное подтрунивание над ней!

– Да-да, конечно. Девушка с глазами дикой серны! Я знаю, в Элке есть какой-то шарм. Она привлекательна, несмотря на жуткие круглые очки, которые ей совершенно не идут. Хотя ты ей скажи, что ли. Можно ведь носить контактные линзы! Я прямо кожей чувствую приближение какой-то драмы. Вот увидишь, Астапов ее бросит! Не может быть, чтобы она провела замужем целый год – и ничего не произошло.

– Он ее не бросит. Ты же сама говорила, что Астапов женился по расчету, – язвительно заметил Юрий.

Мать Риммы и Эллы вышла замуж во второй раз за вице-президента солидного банка Бориса Михальченко. Астапов работал в том же самом банке начальником отдела.

– Кстати, а почему Астапова сегодня нет на семейной ве-

черинке? – спросил Юрий.

– Борис сказал, что руководство скинуло на него какого-то гостя. И он повел этого типа в Театр современной пьесы. Как ни странно, но без Астапова скучно.

В этот момент одомашненный вице-президент банка Борис Михальченко в спортивном костюме и велюровых тапочках, насвистывая, прошел мимо.

– У тебя сегодня хорошее настроение, я вижу? – спросила Римма. – Случилось что-то приятное?

– Точно. Мне пообещали вернуть старый долг. Разве не приятно? Я, наконец, смогу купить твоей матери машину, чтобы она перестала пользоваться моей и царапать ее обо все, что попадает на пути. Кстати, Юр, чего мы сидим, как на именинах? Предложи дамам какое-нибудь интересное занятие.

Юрий крикнул и сделал широкий жест рукой:

– Дамы! Давайте смотреть телевизор! Там сегодня хороший западный фильм.

– О, нет! – воскликнула жена Бориса Дана, повалившись в кресло. – Все хорошие западные фильмы насмерть изуродованы русской озвучкой. Поищите что-нибудь другое.

Дана была высокой и крупной, с королевскими манерами и громоподобным голосом. Она считала, что в жизни женщины важную роль играют три «м» – мозги, муж и маникюр. Мозги у нее наличествовали, маникюр она делала раз в неделю в салоне красоты возле дома, а нового мужа нашла не так

давно в ресторане для гурманов. Он был младше ее на восемь лет, поэтому Дана считала второе замужество большим личным успехом.

– Устроит тебя ток-шоу «Затруднительное положение»? – подала голос ее младшая дочь Элла, переключив канал.

Очки ей действительно не шли. Новые дорогие она потеряла, потом потеряла менее новые и менее дорогие, так что остались только эти – старые и некрасивые. Она все откладывала поход в оптику, тем более что Астапов почти никогда не видел ее в очках – дома она старалась обходиться без них, хотя это и было непросто при ее минус шести.

Что касается невезучести, то тут сестра была права на все сто. Участие Эллы в любом деле становилось гарантией того, что дело провалится. Когда она собиралась за покупками, магазины закрывались по самым разным причинам – от технических до катастрофических: такси, в которых она ехала, застревали в пробках, лифты зависали, в кассах заканчивались чековые ленты, а в пунктах обмена валюты заканчивалась валюта.

– А что это за «Затруднительное положение» такое? – пробурчала Дана. – Там что, выступают беременные женщины? Борис захохотал за своей газетой.

– Даже я знаю! – принялся объяснять Юрий. – На передачу приглашают людей, которые попали в трудную ситуацию. Человек в камеру рассказывает о своей беде, и вся страна по телефону начинает давать ему дружеские советы.

– Чудовищно, – заключила Дана. – Но все равно давайте посмотрим.

Все, кроме Бориса, стали смотреть. Тот продолжал читать газету, постукивая ногой по полу. После заставки на экране появился ведущий с волосами, завитыми под каракуль, и большим ртом, в котором запросто мог бы поместиться микрофон. Когда он улыбнулся, от его зубов зарябило в глазах.

– Здравствуйте, друзья! – торжественно провозгласил он. – Как всегда, по вечерам с вами я, Антон Григорчук, в ток-шоу «Затруднительное положение»!

Публика загрохотала и заулюлюкала, а Дана заметила:

– Симпатичный мальчик.

Борис тотчас же вылез из-за газеты, посмотрел на Григорчука и громко фыркнул. В знак солидарности Юрий тоже фыркнул. Обфырканый ведущий продолжал тем временем щебетать:

– И сегодня гостя нашей студии – Надежда Степанец, встречайте!

В студии появилась маленькая глазастая брюнетка, постриженная под Мирей Матье. Энергичной походкой она прошла к гостевому диванчику, свалилась на него и стала так и сяк складывать ноги.

– Ой! – громко воскликнула Элла и даже подпрыгнула от избытка чувств. – Это же кузина моего Астапова – Надя! Вы только посмотрите на нее!

Все и так смотрели. Дана даже придвинулась ближе к

экрану.

– Вот это Надя? – переспросила она. – Значит, с ее ребенком ты сидишь по субботам? Шурик, кажется?

– Ну да! Наверное, Шурик тоже там. Интересно, а Астапов знает? Может, позвонить ему? – Элла уже хотела вскочить и броситься к телефону, но сестра, сделав мрачное лицо, не позволила.

– погоди, – сказала она и упреждающе вытянула руку. – Сначала послушаем, что скажет кузина. Что там у нее за затруднительная ситуация?

– Я пришла к вам на передачу, – начала Надя глубоким грудным голосом, – потому что у меня нет никого, с кем я могла бы посоветоваться.

– Она что, сирота? – спросил Борис и отбросил газету, которая пролетела через всю комнату, перебирая в воздухе страницами, после чего громко чавкнула о стол.

– Я сирота, – тут же подтвердила его догадку Надя, стиснув перед собой руки. – Родители умерли, когда мне было шестнадцать лет. А других родственников у меня нет.

– Как это нет? – громко и сердито спросила Элла. – А Астапов?!

– Зато есть близкий человек, – продолжала между тем сирота. – Именно из-за него я пришла сегодня в студию. Мне очень нужен совет.

Надя закусила губу. Из правого глаза у нее выкатилась большая бриллиантовая слеза и, остановившись на щеке,

немного попозирировала перед камерой. Моторный Григорчук тем временем забежал по студии, представляя телезрителям остальных своих гостей – психолога Михаила Анцыповича, красногубого дядьку с мохнатой черной бородой, похожего на Карабаса-Барабаса, модную писательницу Ирму Скандюк и инициатора возрождения кулачного боя Дмитрия Куроедова. Все трое, судя по их виду, чувствовали себя очень хорошо и уже изготвились слушать драматичный рассказ Нади.

То, что рассказ будет именно драматичным, стало ясно без слов. У Нади сделалось вдохновенное лицо – брови сдвинуты, губы плотно сжаты.

– Итак, расскажите нам, Надя, о своем близком человеке, – поощрил ее Григорчук, пристраиваясь на самом краешке стула напротив гостыи.

– С Игорем мы познакомились шесть лет назад, – послушно начала та, глядя в камеру.

– Ее близкого человека тоже зовут Игорем. Как Астапова! – громко сказала Элла и наклонилась вперед, чтобы ничего не пропустить.

– Он работал в банке, – продолжала Надя, – а я продавала цветы в маленьком магазинчике на углу. Мы сразу понравились друг другу.

– Ее Игорь работал в банке... – пробормотала Элла. – Как Астапов.

– Он часто покупал цветы? – с любопытством спросил ве-

душций.

– Да, очень часто! – оживилась Надя.

– А для кого, если не секрет?

– Для своей первой жены, – застенчиво ответила та.

Публика, гнездящаяся в студии на пластмассовых стульях, выстроенных лесенкой, заворчала. Было непонятно, одобрительное это ворчание или наоборот.

– Шесть лет назад Астапов, кажется, еще был женат в первый раз, – задумчиво провозгласила Римма со своего места.

– Игорь был еще женат, – поспешно пояснила Надя, – но жена уже грозила подать на развод.

– Ага, – кивнул Григорчук. – И он ее задабривал цветами.

– Только она все равно ушла. И я тут совершенно ни при чем. У них были давние разногласия. Мы стали встречаться, и когда Игорь наконец развелся, я решила, что теперь нам ничто не помешает быть вместе.

– Вы рассчитывали, что ваш любовник предложит вам выйти за него замуж? – уточнил Григорчук коварным тоном.

– Конечно, я рассчитывала. Мы ведь любили друг друга!

– И что же произошло?

– Игорь сказал, что пока не готов жениться снова. Что ему нужно прийти в себя после развода.

– И что же сделали вы?

– Я? – Надя обезоруживающе улыбнулась. – Родила ему ребенка, Шурика.

Дана и ее старшая дочь мрачно переглянулись. Юрий при-

нялся протирать очки, а Борис демонстративно закинул ноги на журнальный столик и скрестил руки на груди. Элла никак не реагировала – она молча смотрела на экран.

– И тогда он... – широко улыбнулся Григорчук, предлагая Наде продолжить фразу.

– И тогда он сказал, что никогда не бросит Шурика. Но жениться все равно не хотел. Почти пять лет мы прожили отдельно, – продолжала Надя, стопроцентно уверенная в том, что она выступает в роли положительной героини. – А недавно Игорь купил для нас с сыном новую квартиру.

Публика в студии снова зашумела. Судя по лицам, женщинам импонировал поступок Игоря, а мужчинам – нет.

– Я надеялась, что со временем Игорь признает нас своей настоящей семьей...

Надя напрягла указательные пальцы с длинными бордовыми ногтями и промокнула ими уголки глаз. На лицах Анцыповича и Куроедова появилось глубокое сочувствие, писательница же Скандюк смотрела на гостью студии с ухмылкой.

– Чуть больше года назад, – продолжила Надя, – Игорь признался, что его материальное благополучие, а значит, и наше с Шуриком тоже, находится под угрозой. У него возникли какие-то неприятности на работе, ему грозили увольнением. Увольнение означало профессиональную гибель – его больше не взяли бы ни в один банк. Единственным спасением был брак по расчету. Игорь сказал, что если женится

на дочери начальника, то все обойдется.

– Он как бы спрашивал у вас разрешения? – уточнил Григорчук.

– Что-то вроде того.

– И вы согласились?

– А что я могла поделаться? – обиженно спросила Надя. – У меня маленький сын!

Элла Астапова почувствовала, будто в сердце ей вонзили что-то горячее и поворачивают это что-то то в одну сторону, то в другую, причиняя невероятную боль. Никто не шевельнулся, и когда шkodливый кот Брысяк с откушенным неизвестно кем ухом вошел в комнату и мяукнул, все одновременно вздрогнули.

– Пошел вон! – крикнул Борис, бросил в кота тапкой и не попал. Брысяк равнодушно обошел обувь и потерся мордой о голую ногу хозяина.

Тем временем студия продолжала подогреваться рассказом бедной Нади.

– Вот уже год Игорь женат. Его положение на службе стабилизировалось, но он не хочет разводиться с дочерью начальника и ставить себя таким образом под удар. Но и я не хочу больше терпеть его жизнь на два дома!

– А вам не приходила в голову мысль, – спросил Григорчук, с победным видом оглядывая публику, – что ваш Игорь просто влюбился в свою жену?

– Нет, ну что вы! – искренне изумилась Надя. – Во-пер-

вых, она меня старше. Мне двадцать пять, а ей тридцать. И во-вторых, она не очень интересная.

– А вы что, встречались? – мгновенно среагировал ведущий и хищно раздул ноздри.

– Понимаете, – слегка смутилась Надя, – мы с Игорем и так редко видимся, поэтому он решил не прятать меня от своей новой жены.

Озадаченный Анцыпович почесал бороду, Куроедов сказал: «Ни фига!», а долговязая писательница Скандюк азартно хлопнула себя по острой коленке.

– Ка-а-ак? – озвучил немой вопль публики Григорчук. – Он что, познакомил вас со своей женой и представил: вот, мол, дорогая, моя любовница! Так, что ли?

– Он сказал ей, что я – его двоюродная сестра, – скромно потупясь, призналась Надя.

Элла громко сглотнула, и Дана тотчас же придвинулась к дочери и крепко взяла ее за руку.

– Надо выключить эту дрянь! – заявила она, пылая негодованием.

– Не смей! – тотчас же запретил Борис. – Мы должны точно знать, как обстоят дела.

– А я говорила! – подхватила Римма. – Говорила, что все будет плохо!

– Замолчи! – шикнул Юрий. – Дай дослушать. Борис прав: мы должны знать, с чем имеем дело.

Григорчук тоже сгорал от любопытства, поэтому продол-

жил расспросы.

– Вы что же, ходите друг к другу в гости?

– Случается, – застенчиво ответила Надя. – Но чаще всего мы с Игорем оставляем ей нашего ребенка, а сами отправляемся в ресторан или на концерт.

– Твою мать! – в сердцах воскликнул Борис.

Элла зажала рот рукой, чтобы случайно не издать какого-нибудь ужасного звука. Римма механически гладила забравшегося на колени кота. Брысьяк урчал, с остервенением вонзая в нее когти и удивляясь про себя, почему его не бьют по лапам.

– Не кажется ли вам, что это уж слишком? – Григорчук сделал большие глаза, как будто никогда не слышал о людском коварстве.

– Но мы же должны хоть изредка побыть вдвоем! – искренне возмутилась Надя.

– Вы могли бы отдать ребенка маме вашего Игоря.

– Она ничего не знает.

– Тогда нанять няню.

– Это дорого. Но знаете что? Я не чувствую себя виноватой. Если жена Игоря такая дура, это ее проблемы.

– Что же в таком случае привело вас сегодня в студию? – задал резонный вопрос ведущий.

– Я хочу заставить Игоря развестись с женой и жениться на мне. В конце концов, у нас растет сын! Но я не знаю, как правильно себя вести.

– А Игоря вы проинформировали о том, что решили прийти на наше ток-шоу?

– Нет, – коротко ответила Надя. – Не думаю, что он был бы доволен. Однако я в отчаянном положении и рассчитываю на помощь телезрителей и тех людей, – она с подозрением смотрела на мерзко ухмыляющуюся писательницу Скандюк, – которые пришли сегодня в студию, чтобы меня поддержать.

– А кто вам сказал, – неожиданно подала голос та, – что мы будем вас поддерживать?

– Ну... Давать советы, – раздраженно поправилась Надя.

– Советы дают тем, кто сомневается в себе, – заявил психолог Анцыпович, тряхнув бородой. – Вы же, девушка, пришли сюда с уже готовым решением. Вы похожи на Буша, который задумал бомбить Ирак. И какие бы доводы...

– Вашему Игорю надо дать в нюх, – неожиданно перебил его инициатор возрождения кулачного боя Куроедов. – Или сломать ему что-нибудь.

– А сейчас слово нашим консультантам, – поспешно вклинился Григорчук. – Может быть, Ирма Михайловна нам что-нибудь посоветует?

– Как сказала не я, – заявила Скандюк, – желание выйти замуж – это подсознательное стремление к разрушению. Мужчина по сути своей – разрушитель. Он разрушает отношения точно так же, как вещный мир. Гармония вызывает у него идиосинкразию.

– Иными словами, вы советуете нашей героине подавить в себе желание выйти замуж? – осторожно уточнил Григорчук.

– Да.

Надя посмотрела на гнусную писательницу Скандюк и через силу улыбнулась.

– Убавьте звук, – скомандовал Борис и поднялся на ноги. – Надо... все это обсудить.

– Предлагаю позвонить Астапову и вызвать его сюда! – заявила Дана, сплетая и расплетая пальцы. – И разобраться с ним на месте.

– Сломать ему что-нибудь, – пробормотал Юрий, которому очень понравилось короткое выступление Куроедова.

– Я сама позвоню, – вызвалась Римма, мельком глянув на превратившуюся в соляной столб сестру.

– Только пока не говори ему ничего, – предупредил Борис.

Римма принесла трубку и стала с остервенением давить на кнопки, вымещая на них свое раздражение.

– Занято! – сердито сказала она, отвечая на общий немой вопрос. – А мобильный временно заблокирован. Наверное, он все деньги проболтал... – Она сделала паузу, а потом ядовито добавила: – С Надей!

– Значит, он дома разговаривает по городскому телефону, – подытожил Юрий. – Надо ехать туда и брать его тепленьким.

– Никто никуда не поедет! – непререкаемым тоном заявил Борис.

– Да почему?

Они все поднялись на ноги и принялись жарко спорить друг с другом. В разгар баталии Брысяк забрался в кресло и лег на пульт, звук снова включился, и гомон в комнате стал в два раза громче. В студии шли не менее жаркие споры.

– В нюх ему – и дело с концом! – рубил ладонью воздух кровожадный Куроедов.

– Как сказала не я... – завела свою песню Скандюк, но ведущий, у которого каракуль уже стоял дыбом, с досадой воскликнул:

– А сами-то вы можете хоть что-нибудь сказать?!

– Выключите звук! – потребовал Борис. Все повернулись к телевизору и тут увидели, что Эллы нет на месте.

Ее не было ни в ванной, ни на балконе – нигде.

– Она ушла! – испуганно воскликнула Римма, подбежав к вешалке и не обнаружив верхней одежды сестры. – А уже одиннадцать часов! Насколько я ее знаю, домой она не пойдет.

– Слава богу, что ушла не без сапог, – пробормотала Дана.

– Невелико утешение, – буркнул Юрий. – Надо ее найти, а то она где-нибудь сядет в снег и замерзнет.

– Я поеду к Астапову, – решил Борис. – И убью этого сукиного сына!

– Я осмотрю все окрестности, – подхватил Юрий. – А вы, девочки, сидите на телефоне и координируйте наши действия. Черт, почему у нее нет мобильного?

– Она его потеряла, – коротко объяснила Римма. Помолчала и добавила: – Если точнее, она потеряла два мобильных и три пейджера.

2

У Эллы Астаповой был такой вид, словно ее похитили инопланетяне, надавали по шее и высадили на Марсе. И сейчас она ходит по марсианскому городу, взъерошенная и очумевшая, и взирает на окружающее дикими глазами, плохо понимая, что происходит вокруг.

Перчатки она оставила на подоконнике в какой-то забегаловке, где проглотила стакан минералки. И теперь, засунув руки в карманы, петляла по улицам, пронзаемая ледяным ветром. Возле большого концертного зала она врезалась в толпу фанаток поп-звезды Андрея Кущина. Сам он как раз вышел из дверей и направился к своему автомобилю по дорожке, обнесенной металлическими заграждениями, словно бык, провожаемый на арену воплями разгоряченной толпы. Элли подхватила офанатевшая биомасса и едва не вывалила ему под ноги. Пугливо улыбаясь, Кущин протрусил мимо, сунув в руки Эллы буклет с собственной глянцевой физиономией и автографом поверх нее.

– Везет некоторым, – сказала какая-то девица в короткой шубе и полосатых гетрах, когда автомобиль уехал и биомасса пришла в состояние покоя. – Новенькая? Я тебя раньше не видела.

– Как тебя зовут? Меня Танька, – сообщила ее товарка, губы которой были накрашены синей помадой. – В подъезд

поедешь дежурить?

Элла молчала, прижимая к себе буклет.

– Эк тебя скрючило от радости! – покачала головой Танька и обратилась к подруге, понизив голос: – Давай ее в ночнушку с собой возьмем. Ты на нее погляди только – жалко же. Брось ее тут – буклет отберут как пить дать.

Ночнушка оказалась ночным баром, где под видом фирменного коктейля подавали водку с апельсиновым соком. Через час с небольшим новые подруги собрались ехать «дежурить в подъезде». Элла расплатилась за все, что они выпили, и на прощание подарила им фото Кущина с автографом. Фирменные коктейли действовали на нее странно – тело поддавалось им, а мозг – нет. Она все отлично помнила и все понимала, но двигалась и разговаривала с огромным трудом. Впрочем, двигаться было незачем, а разговаривать уже не с кем.

Некоторое время спустя в забитое до отказа помещение вошел человек с мобильным телефоном, плотно прижатым к уху.

– Слушай, – жалобно говорил он, пригнув голову, чтобы не посшибать лбом низко висящие светильники. – Оглядкин сказал: «Езжай за моей в клуб. К этому времени она надирается, как папа Карло после разговора с поленом. Забери ее и привези домой». Что – ну? Клуб я знаю, а его жену – нет. Я ж у него новый телохранитель. Ну, вошел. Ну, смотрю. Брюнетка, блондинка? Кажется, вижу. Да. Растрепанная шатен-

ка. Пьяная в подошву. Как выглядит? Как будто пережила страду на конопляном поле.

– Вы Жанна? – спросил он, подходя к Элле вплотную.

Она выпрямилась на стуле, уставилась телохранителю в живот и твердо ответила:

– Да.

– Жанна Оглядкина? – уточнил тот на всякий случай.

– Да, – кивнула Элла Астапова, отчаянно надеясь, что этот жуткий мужик приехал для того, чтобы схватить Жанну Оглядкину и утопить ее в реке. Она была бы рада пойти на дно и забыть о том, что с ней случилось. Вернее, случилось – на протяжении всего года замужества. Астапов не просто изменял ей – он делал это глумливо. Беззастенчиво выдавая свою любовницу за кузину, а нажитого с ней ребенка – за племянника. Занятно, что Шурик называл его не папой, а Игорем. Ребенка, видно, они с Надей тоже обманывали.

– Если вы с ней, – сказал бармен, выныривая у столика, словно аквалангист из волны, – тогда заплатите за ущерб. Ваша дама сломала табурет, разбила поднос с бокалами и оторвала от стены розетку.

Телохранитель неведомого Оглядкина, сопя, расплатился, после чего погрузил Эллу в автомобиль и повез ее куда-то в ночь, деловито насвистывая. Через некоторое время на заднем сиденье автомобиля пассажирка нашла пачку «Парламента» и зажигалку. Попытка прикурить закончилась небольшим пожаром. Элла затушила огонь собственным те-

лом, а телохранитель, остановившись на обочине, закидал тлеющие чехлы снегом.

К дому Оглядкина Элла приехала в совершенно непотребном виде.

– Жанна Николаевна приехали. Куда их? – спросил телохранитель у экономки, открывшей дверь.

– В спальню, наверное. В спальню, Жанна Николаевна? – подобострастно уточнила она.

Голова Эллы утыкалась подбородком в грудь, и волосы закрывали лицо. Она что-то проблеяла, ее отбуксировали в спальню и бросили на кровать прямо в верхней одежде. Нога в длинном сапоге свесилась вниз и уныло покачивалась, словно тело повешенного.

– До чего человек допился, – шепотом сказала экономка, выключая свет и закрывая дверь. – Узнать невозможно.

В это время Оглядкин в уютном маниловском халате вышел в холл, и экономка торжественно доложила ему:

– Жанну Николаевну привезли!

– Очень хорошо, – удовлетворенно сказал Оглядкин. Когда его жена пускалась в загул, она пила и буянила. Он не любил, когда она делала это неизвестно где.

Оглядкин заглянул в спальню. Там было темно и пахло, ясное дело, водкой с апельсинами. Он заметил свесившуюся ногу и хмыкнул. Разглядывать в подробностях то, что привезли домой, не стал, а отправился в бильярдную комнату. В этот момент ему позвонила любовница – тоже пьяная.

– Я приеду к тебе! – сообщила она разнузданным тоном.

– Даже не вздумай! – осадил ее Оглядкин и пробормотал: – Бывают дни, когда понимаешь, что алкоголь – это страшная сила.

Погоняв шары, он отправился в столовую закусить копченой курицей. Но едва расправился с оторванной от тушки ножкой, как в дверях возник его помощник.

– Жанну Николаевну привезли! – сообщил он трагическим шепотом.

– Не может быть, – отмахнулся Оглядкин. – Она уже давно в спальне.

– Ну, не знаю, – пожал плечами помощник. – Только что подъехал джип, чуть не смел почтовый ящик. Жанну Николаевну оттуда высадили – я сам видел.

Жанна Николаевна, шатаясь, как дитя, дорвавшееся до карусели, ввалилась в собственную спальню и обнаружила, что на кровати кто-то лежит.

– Кажется, я не туда попала, – пробормотала она, ощупала Эллу двумя руками и на цыпочках прокралась обратно на улицу.

Некоторое время она ходила вокруг дома, сопровождаемая собаками, слегка протрезвела, после чего была замечена и подобрана соседями, которые справляли день рождения. Оглядкин тем временем успел заглянуть в спальню жены, еще раз полюбовался на свесившуюся ногу и снова пошел гонять шары. Под утро Жанна, от души погулявшая на

дне рождения, постучала во входную дверь правой коленкой. Ей никто не открыл, она долго копалась в карманах, нашла ключ и ввалилась внутрь, оставив дверь нараспашку.

Именно в это время пьяная любовница Оглядкина, которая во что бы то ни стало решила этой ночью добраться до его тела, перелезла через забор и тоже вошла внутрь, радуясь тому, что дверь открыта настежь.

– Скажи моему мужу, что я приехала! – крикнула где-то в глубине дома едва вменяемая Жанна.

Любовница, недолго думая, отыскала спальню Оглядкина, быстро разделась и нырнула под одеяло.

Испуганный помощник, в свою очередь, постучал в билярдную.

– Какого лешего? – заревел хозяин.

– Жанна Николаевна приехали! – проблеял тот.

– Опять?!

Жанна тем временем заглянула в собственную спальню. Элла лежала в той же позе. Единственное, что она сделала, так это достала из кармана шапку и надела ее себе на голову. Жанна всплеснула руками:

– Провалиться мне на этом месте, но в моей постели лежит какая-то баба! Или это сон?

Она отправилась в ванную и плеснула себе в лицо холодной водой. В это время ее муж прошептал через холл и тоже заглянул в спальню жены. Увидел все ту же свесившуюся ногу и в сердцах сплюнул. Пока его не было, Жанна вы-

шла из ванной и сунула нос в спальню мужа.

– И тут тоже лежит какая-то баба! – потрясенно прошептала она. После чего отправилась искать свободное спальное место и затихла в комнате для гостей.

Около полудня Оглядкин, которому пришлось выдворять из дому любовницу, принял душ, побрился и свежий, словно болгарский персик, явился на кухню.

– Жанны Николаевны еще спят, – сообщила экономка со светлой широкой улыбкой, которая показалась Оглядкину странной.

– Ну, пусть спят, – тут же раздражился он.

– В своей спальне и в комнате для гостей! – уточнила та.

– Интересно, как ей это удалось? – пробормотал он, хватая булочку. – Кофе мне в столовую, горячий.

– А Жаннам Николаевнам? – тотчас спросила экономка. – В постель, как всегда?

Оглядкин молча вышел и, усевшись за стол в столовой, вызвал помощника.

– У меня что, пьющая прислуга? – с места в карьер набросился он на бедолагу.

– С чего вы взяли, шеф? – удивился тот.

– Старая дура на кухне называет мою жену Жаннами Николаевнами и уверяет, что она спит в двух разных комнатах.

– Насчет комнат не могу сказать, – неуверенно заметил помощник. – Но то, что она ночью три раза приехала домой, это точно. Два раза – одна и та же, а один раз – какая-то

необычная.

– Она, когда напьется, всегда необычная, – буркнул Оглядкин, поднялся и широким шагом направился в спальню жены.

Там он обнаружил уставившуюся пустым взглядом в потолок Эллу Астапову, полностью одетую и даже в шапке, плотно надвинутой на уши.

– Что за черт? – завопил он и продолжал вопить до тех пор, пока не сбежался весь дом.

Когда к толпе сочувствующих присоединилась плохо выспавшаяся Жанна Николаевна, вопли стали в два раза громче. В конце концов Эллу выдворили из дома, бросив ей в спину сумочку, которую та по странной прихоти судьбы не потеряла во время своих походов. Если бы она знала, что ждет ее в будущем, то посчитала бы, что сегодняшняя ночь была замечательной.

* * *

После окончания вуза Элла усердно зарабатывала радикулит и несколько тысяч рублей в месяц в ледяном хранилище научной библиотеки. Но полтора года назад Борис Михальченко устроил ее в журнал «Все о банках», главным редактором которого подвизался его школьный друг Дима Шведов.

Шведов оказался не самым плохим начальником, хотя имел кучу недостатков, с которыми сотрудники научились

мириться, точно преданные жены. Впрочем, каждый из них что-то особо ненавидел в поведении шефа. Например, Катя Бурцева ненавидела его ослиное упрямство. Если Шведов отдавал глупое распоряжение, никакие доводы, никакие угрозы не могли заставить его отменить приказ. Шведов всегда доводил свои глупости до конца, и это Катю бесило.

Элла, как только поступила на службу, сразу же нашла с Катей Бурцевой общий язык. Катя оказалась прелесть что за человек – ответственная, честная и добрая. У нее было милое круглое лицо и темная коса до пояса. Офисные клерки, которыми кишели коридоры, так и звали ее – девушка с косой.

Когда Элла после ужасных скитаний все-таки добралась до работы, она подумала, что сейчас немного придет в себя, а потом все расскажет Кате. Она уже представила, как откроет дверь и окинет взглядом всю комнату – Катя сидит возле двери в кабинет Шведова, низко склонившись над бумагами, заправив за уши выбившиеся пряди волос. Напротив перед мерцающим монитором развалился Андрей Калугин – веселый громкоголосый мужчина, помешанный на здоровом образе жизни. Чтобы нейтрализовать вредное воздействие компьютера на свой организм, Андрей постоянно пьет зеленый чай и приносит из дому кактусы. У него тощее лицо с лошадиной английской челюстью и пропасть веснушек.

Андрей ненавидит, когда Шведов с деловым видом влетает в их комнату и начинает бегать по ней, отдавать распоря-

жения и дымить своими короткими вонючими папиросками.

Следующий стол принадлежит самой Элле, а справа, в непосредственной близости от нее, словно большой тяжелый шмель, трудится, время от времени шумно вздыхая, Никита Шаталов. Девицы с первого этажа периодически ловят его за галстук и томно тянут: «Никита, ты тако-ой хоро-оший!» Никита был бы чертовски похож на Дона Джонсона, если бы похудел раза в два с половиной. Задуман он был обаятельным, но обаяние постепенно растворилось в лишних килограммах, хотя и не без остатка.

Никита ненавидит показательный выпендрей Шведова. Стоит появиться в офисе кому-нибудь чужому, как Шведов распускает хвост и начинает гнуть пальцы. При этом он заставляет сотрудников, что называется, «делать морду». Никита делать морду не любит и всегда все Шведову портит.

После того как Эллу выгнали из дома Оглядкина, ей пришлось приложить немало усилий, чтобы попасть в город. Подвозить ее отчего-то никто не хотел – машины проносились мимо, закупоренные, словно подводные лодки. Несколько километров бедолага брела по обочине. Сломала каблук и замерзла так, будто всю ночь просидела над прорубью. Однако прогулка имела и положительные стороны – обманутая жена вышла из шокового состояния и выплакалась всласть.

Зареванная, помятая и грязная, она наконец добралась до работы и погрузилась в лифт. Сейчас она войдет, и ребята,

увидев ее, повскакивают со своих мест, столпятся вокруг, начнут расспрашивать...

Едва Элла толкнула дверь и ребята ее увидели, они действительно повскакивали со своих мест. Только лица у них при этом были ужасно странные – длинные и испуганные. Вместо того чтобы броситься к Элле, они уставились друг на друга. Как раз в этот момент в кабинете Шведова раздались голоса – кто-то собирался выйти оттуда. Элла уже открыла было рот, чтобы сказать что-нибудь подобающее случаю, когда Никита Шаталов, проявив неожиданную для своих габаритов прыть, прыгнул к ней. После этого он сделал совершенно невероятную вещь – зажал ей рот рукой и, схватив за шею, подвел к своему столу и там, навалившись на нее всем телом, уложил на пол.

Элла не успела даже дернуться, когда прямо перед ее носом возникли две пары ботинок и голос Шведова сказал наверху:

– Не беспокойтесь, гражданин начальник, как только Астапова появится, я вам тут же сообщу. Тут же.

– Ну, ни к чему называть меня гражданином, – усмехнулся второй, незнакомый голос, мягкий, словно снег на Рождество. – Лучше обращаться ко мне по званию.

– Хорошо, господин капитан, – подобострастно согласился Шведов. – Можете на меня положиться. Астапову я вам сдам в лучшем виде. Если, конечно, она придет.

– Конечно, – согласился невидимый капитан и развернул

носатые ботинки к выходу.

Когда дверь за ним закрылась, шеф расставил ноги на ширину плеч и угрожающим тоном заявил:

– Слушайте, вы все! Если Астапова позвонит или заявится сюда, не приведи господи, немедленно доложить мне. Понятно? Лично доложить! И Шаталову передайте то, что я сказал. Кстати, где он бегаёт?

Элла скосила глаза на Никиту – он лежал тихо-тихо, и только его теплое дыхание шевелило волосы на ее шее. Какое счастье, что у него такой здоровый стол, и еще – что у Шведова не возникло желания походить по комнате. Его ботинки повернулись на каблуках и, чеканя шаг, двинулись к выходу из офиса.

– Я отъеду по делам, – сообщил он строгим голосом.

Обычно строгий голос означал, что Шведов отправляется пить кофе. Катя Бурцева в таких случаях всегда отвечала абсолютно нахальным тоном: «Конечно, шеф!» Однако сегодня у нее ничего подобного не вышло, и она жалобно пискнула:

– Конечно, шеф!

Шведов удивился и даже на секунду задержался:

– Ты, Катерина, не заболела ли?

– Нет, все в порядке, – еще тоньше пискнула та, и Андрей Калугин поспешно сказал:

– Она видела в коридоре мышь.

– А, мышь! – удовлетворенно заметил Шведов. – Как ска-

зал кто-то из великих, мышь действует на женщин подобно герою-любовнику – заставляет их визжать и падать в обморок.

Он ушел, и все некоторое время слушали, как его легкие шаги удаляются прочь от двери. Вот клацнул лифт, поглотивший начальника, и повез его вниз, прочь от кабинета. Только тогда Никита отнял руку от лица Эллы, потом поднялся, схватил ее в охапку и одним движением поставил на ноги. Катя Бурцева и Андрей Калугин уже были тут как тут.

– Ох, Эля! – зашептала Катя. – Мне так жаль! Так жаль! Я, когда тебя увидела, лишилась дара речи!

– Как же ты не побоялась сюда прийти? – тоже шепотом спросил Калугин и от избытка чувств даже потряс Эллу за вялую руку. – Ты должна была сообразить, что здесь тебя могут поджидать. Хорошо, что засаду не устроили.

– Погодите вы! – сердито прикрикнул на них Никита. – Вы разве не видите – *она ничего не знает!*

– Она ничего не знает! – как заклинание повторила Катя. И в испуге сложила руки перед собой: – Ты ничего не знаешь?

Элла вдруг так испугалась, что не смогла даже ответить. Она только отрицательно покачала головой.

– Господи, и как же ей сказать? – пробормотал Калугин.

– Ну, вот что, – Никита взял Эллу за плечи и, повернув к себе, серьезно посмотрел ей в глаза: – Этой ночью убили твоего мужа. И в убийстве подозревают тебя.

Элле показалось, что Никита стал неожиданно в два раза толще. На самом деле его лицо просто-напросто расплылось у нее перед глазами. Ноги ее подогнулись, и она со стоном начала оседать на пол. Шаталов с Калугиным подхватили Эллу под руки, усадили в кресло и быстренько привели в чувство.

– Ничего себе сходила я замуж! – простонала Элла, когда наконец пришла в себя.

Игорь Астапов был убит около полуночи на кухне собственной квартиры. Тело обнаружил его тесть Борис Михальченко, который приехал поговорить с Астаповым якобы о делах, но не смог попасть в квартиру. В окнах горел свет, однако на звонки никто не откликнулся. Борис забеспокоился и вызвал милицию. Милиция сразу же выдвинула версию о том, что Астапова убила его собственная супруга. Убила и пустилась в бег. Версия строилась не на пустом месте.

Во-первых, способ убийства был чисто женским. Астапов получил по голове чугунной сковородой и от удара скончался на месте. Стукнули его от души и с большим чувством. Во-вторых, убийца запер дверь собственным ключом – ключ Астапова остался у него в кармане. В-третьих, побудительная причина убийства. Родственники сначала попытались было замолчать то, что случилось вечером. Но следователь сразу смекнул, что от него что-то скрывают, и расколол их всех по одному. Он с удовлетворением выслушал душераздирающую историю о любовнице, которая пустилась в от-

кровения перед телекамерами. А обманутая жена смотрела передачу, разинув рот. Мотив был просто роскошным!

Следователь принялся убеждать родственников, что Элла может отделаться легким наказанием. Еще бы – убийство в состоянии аффекта! Любой адвокат докажет это, предъявив видеозапись той злосчастной передачи. Главное сейчас – отыскать преступницу и уговорить ее сдаться властям.

Дана заявила мужу, что никаким властям свою дочь не сдаст, но найти ее желает немедленно. Борис с самого утра поднял на ноги кого только можно и приказал отыскать свою падчерицу, пообещав вознаграждение самому расторопному.

– Я его не убивала! – воскликнула Элла, свирепо глядя на своих коллег.

– Да мы верим! – воздел руки Калугин. – Поэтому и спрятали тебя от Шведова. Он тоже к тебе хорошо относится, но чересчур законопослушен.

– Вопрос в том, что ты собираешься делать дальше, – сказал Никита и пытливо посмотрел на Эллу. – Понимаешь, что получается? Если ты надумаешь скрываться, милиция укрепитя в своем подозрении и искать будет только тебя. А настоящий убийца уйдет от возмездия.

– Где ты была вчера с одиннадцати до двенадцати ночи? – строго спросила Катя.

– Представления не имею, – схватила за голову Элла. – Если бы я знала, что мне понадобится алиби, то отправилась

бы играть в карты на деньги. А сейчас что? Бери меня, дуру, голыми руками и сажай в КПЗ!

– Нет, я бы в такой ситуации в милицию не пошла, – твердо заявила Катя. – Знаешь что? Поживи некоторое время у меня. Наверное, все как-нибудь образуется.

– Спасибо, Кать, – сказала растроганная Элла. – Но у тебя квартира однокомнатная, ребенок и мама. Куда еще мне?

– А у меня теща – как «Аль-Джазира», – сказал Калугин. – Сразу выдает в эфир последние новости. Она тебя сдаст за милую душу.

Один Никита ничего не сказал, хотя был холост и вполне мог бы на время сделать свою квартиру конспиративной. Он только молча посмотрел на Эллу с тревожным ожиданием, будто бы она сама должна к нему попроситься. Она проситься не стала, а вместо этого сказала:

– К родственникам сейчас точно соваться не стоит – они все под надзором. А что, если я некоторое время поживу здесь?

– Как это – здесь? – не поняла Катя. – В офисе?

– А что? – тут же оживился Калугин. – У шефа есть холодильник, диванчик, даже плед в шкафу имеется.

– А днем где она будет прятаться? – возразила Катя.

– В маленькой комнатке, где сейчас ремонт! – вмешалась Элла. – Поставлю стульчик, запрусь изнутри...

– Мы будем тебе еду носить! – радостно подхватил Калугин, словно речь шла об игре в партизаны.

А Никита переступил с ноги на ногу, перелив свое полное мягкое тело из одной части костюма в другую, и спросил:

– Только... тебе не будет здесь страшно ночью?

3

Разве она могла сейчас бояться темноты или одиночества? Даже смешно. А вот думать о том, что ее ищет московская милиция, чтобы схватить, допросить и обвинить в убийстве мужа, было страшно.

Элла поверить не могла, что Астапов мертв. Весь год она старалась быть примерной женой и тряслась над ним, словно скряга над чулком с деньгами. Дело в том, что до Астапова Элла дважды пыталась выйти замуж. В первый раз жених перед свадьбой сломал четыре ребра, катаясь на лыжах. Торжество перенесли, но накануне второй попытки он загремел в больницу с аппендицитом и заявил, что больше не желает искушать судьбу.

Второй по счету жених до самого последнего дня оставался в целости и сохранности, зато в назначенный день сгорел Дворец бракосочетаний. Пока утрясали технические детали, квартиру жениха обокрали, утащив все документы, без которых брак заключить было невозможно.

Тут уже Элла пошла на попятный. Целых шесть лет она ни с кем не встречалась, а потом появился Астапов. По какому-то спешному делу он пришел к Диме Шведову в редакцию, заговорил с Эллой и задержался сверх всяких приличий. Спустя несколько дней он встретил ее возле офиса и пригласил на ужин. Астапов так спешил жениться и

был столь целеустремлен, что все возникающие препятствия преодолевал с легкостью. Элла решила, что это судьба.

И вот что вышло! Теперь она беглая вдова, которая не находит в себе достаточно слез, чтобы оплакать неверного мужа. Может быть, она его вообще не любила?

За полчаса коллеги устроили Элле в небольшой комнатке, где вот уже несколько месяцев вяло тек ремонт, сносное убежище. Андрей Калугин принес стул, Никита Шаталов – плед и свежие журналы, а Катя Бурцева – поднос с печеньем и минералкой.

– Вот тебе ключ, – сказала она. – Запирайся изнутри. Шведов, даже если захочет войти, не сможет. Подергается и подумает, что рабочие заперли. Их перебросили на другой объект, так что примерно месяц комнатка в твоём распоряжении.

Шведов и в самом деле не обращал никакого внимания на запертую комнату. Вернувшись в офис, он принялся названивать по телефону, листать бумаги и курить. Курил он – Калугин был прав! – какую-то дрянь, отвратительный дым проникал через щели в убежище Эллы, забирался в ноздри и сводил ее с ума. Чтобы не чихать, ей приходилось зажимать нос пальцами.

Вечером, оставшись в одиночестве, Элла решила позвонить домой и успокоить родных. После долгих раздумий она набрала номер сестры и, услышав ее голос, сказала:

– Римка, это я, только не ори, пожалуйста.

– Зачем это я буду орать? – рывкнула та. – Тебя ведь еще не поймали.

– Я никого не убивала!

– А то я не знаю! Если ты не убила кота после того, как он свалил на тебя кастрюлю с кипящим компотом, то что говорить о муже! Надеюсь, ты живешь не на городской свалке?

– Нет, в очень приличном месте.

– Борис хочет, чтобы ты вернулась домой.

– Ага! – рассердилась Элла. – Интересно, он сам вернулся бы?

– Он сказал, что наймет для тебя лучшего адвоката. Есть шанс спустить все дело на тормозах. Но для этого ему нужна ты. Может, сдашься, а?

– Пошла ты знаешь куда!

– Мое дело предложить, – буркнула Римма и тут же обеспокоилась: – У тебя деньги есть?

– Все у меня есть, кроме свободы! – рассерженно крикнула Элла. – Скажи Борису, пусть сделает все, чтобы заставить милицию отыскать настоящего преступника!

– Он утверждает, что без твоего участия это невозможно.

– Ну и черт с ним! Я сама найду убийцу!

– Не с твоим еврейским счастьем пускаться в такие авантюры!

– Спасибо за моральную поддержку! – рассвирепела сестра и бросила трубку.

От Риммы фиг дождешься сострадания. Даже когда она

увела у нее Юрку Поповского, своего нынешнего мужа, ни секунды не чувствовала себя виноватой. Она тогда заявила Элле: «Ты чуть не испортила жизнь такому классному парню! Скажи спасибо, что я вовремя вмешалась».

После разговора с сестрой Элла некоторое время мерила шагами кабинет Шведова, в который перебиралась на ночь, а потом решила позвонить своей школьной подруге Ларисе Трошиной. Та, наверное, места себе не находит от беспокойства.

Напрасные опасения! Сообразив, кто звонит, Лариса возмущенно воскликнула:

– Элка, какая ты свинья! Убила своего мужа, а я узнаю об этом последней да еще из третьих рук!

– Если будешь говорить глупости, я и тебя убью! – рассердилась та. – Зачем, по-твоему, я тебе звоню?

– Наверное, попросить о помощи. Я ведь твоя подруга!

– Очухалась! В первую очередь мне требуется моральная поддержка. Ты должна была сказать, что веришь, будто я не убивала Игоря...

– А кто ж его тогда убил? – озадачилась Лариса.

Она любила изобразить наив, потому что это нравилось противоположному полу. Ее муж Коля за голубые глазки прощал ей такие финты, за какие других женушек били коромыслом по хребту. Естественно, Ларисино сознание определяла ее внешность. Она была высокой и обворожительной, состоящей, кажется, из одних косточек и округлостей,

с длинными светлыми волосами, расчесанными на пробор и заправленными за маленькие круглые ушки. Рядом с обыкновенной Эллой она ощущала себя особенно нежной и томной, поэтому страшно любила появляться с ней на людях.

– Никому не говори, что я тебе звонила.

– Даже Коле? – простодушно спросила та.

– Если хочешь испортить Коле настроение, то скажи.

– А где ты находишься?

– В лесу, – ответила Элла. – В избушке лесника. Здесь есть тулуп, ружье и тушенка.

– Надеюсь, ты шутишь, – совершенно нормальным тоном сказала Лариса. – Если хочешь, я открою для тебя свою дачу. Там есть «буржуйка» и картошка в погребе.

– Спасибо за предложение, но мне и тут хорошо.

Она не лукавила, если иметь в виду чисто бытовую сторону дела. Что касается морального состояния, то оно было далеко не блестящим. Найти истинного убийцу! Легче сказать, чем сделать. Как можно его найти, если ты не имеешь права ходить по улицам! «Даже если бы я вышла, – думала Элла, – с чего бы я начала? Кого бы стала расспрашивать – соседей? А дальше что?» Она представления не имела, как ведутся настоящие расследования.

Раз дверь после убийства оказалась закрытой на ключ, значит, туда ворвался не бандит с улицы. Тем более из квартиры ничего не пропало. По крайней мере, так Римка говорит. Что же, выходит, Игоря убил кто-то знакомый? Дикость.

Кто мог это сделать и зачем? Может быть, у его любовницы Нади был ключ? Что, если Астапову кто-то рассказал про шоу Григорчука? Не исключено, что она сама и рассказала. Приехала и рассказала. Астапов расвирепел – он мгновенно свирепел, когда ему что-то не нравилось. Надя тоже разозлилась и шарахнула его по голове сковородкой. Может, она не хотела его убивать, а просто погорячилась? Потом заперла дверь своим ключом, который у нее вполне мог быть, и отчалила восвояси. А что? Это версия!

Впрочем, чтобы доказать эту версию, необходимо, по крайней мере, встретиться с Надей лицом к лицу. Потребовать, чтобы она предъявила алиби. А потом тщательно его проверить. Но как выйти на улицу, если вся Москва, словно южноамериканское болото крокодилами, кишит бдительными милиционерами? А бдительные милиционеры в первую очередь отлавливают вот таких вот невезучих девиц!

Впрочем, покинуть нынешнее убежище вскоре все-таки придется. Дима Шведов совершенно точно почувствовал что-то неладное. Иногда он совершенно неожиданно останавливался посреди офиса и, вперив глаза в стену, замирал, прислушиваясь, словно солдат во вьетнамском лесу. Он стал задумчивым и рассеянным, будто его тревожило что-то такое, о чем он не мог рассказать вслух. Но самым паршивым было то, что Дима стал задерживаться в офисе дольше всех остальных. Кате, которая особенно усердно пыталась выпроводить его домой, он слабым голосом говорил: «Идите, иди-

те! Я еще посижу», – и вяло махал рукой.

– Слушай, Эля, что он делает тут один? – интересовались ребята.

– Понятия не имею, – честно призналась та. – Когда вы расходитесь, он сидит тихо-тихо, как двоечник на контрольной. Вообще это ужас – я не могу ни покашлять, ни подвигаться!

– Но в комнату к тебе он не рвется? – уточнила Катя.

– Подергался пару раз, и все.

– Надо что-то делать, – озаботился Андрей Калугин. – Нельзя ему давать тут засиживаться. Иначе он догадается.

– А как, как не давать засиживаться? – вслух подумала Катя.

Никто ничего придумать не смог, но тут шеф сам нашел ответ на сложный вопрос. Как-то, проходя мимо Катиного стола, он неожиданно остановился и, низко наклонившись, спросил вполголоса:

– Катерина, тебе не кажется, что у нас в офисе как-то беспокойно?

– В каком смысле? – вскинула голову та.

– В смысле – будто кто-то вздыхает иногда. Так тяжело, с надрывом... А потом как будто хрустит чем-то...

– Чем хрустит?

– Суставами! – шепотом заявил Шведов. – Хрум-хрум...

– А! Это! – легкомысленно ответила Катя, мгновенно сообразив, как решить возникшую проблему. – Так это мест-

ный призрак! Странно только, что он забрался так высоко – обычно он в подвале бесчинствует.

Шведов выпрямился и, сделав обиженную физиономию, уже в полный голос спросил:

– Какой призрак? Что за детский сад?

– Да ерунда, конечно! – подал голос Андрей Калугин, рассеянно перекладывая бумаги на столе. – Уборщицы выдумывают, чтобы в ночную смену не выходить.

– А что конкретно они... выдумывают? – натужным голосом спросил Шведов, притворяясь, что спрашивает из чистого любопытства.

– Говорят, будто на месте этого здания, – подключился к разговору серьезный, как учитель химии, Никита, – стоял дом, принадлежавший внебрачному сыну графа Дракулы. Известно, что граф был не только вампир, но и бабник. И одна русская княжна якобы родила ему сына. Когда юноша вырос, то захотел встретиться с папашей. При встрече тот его, ясное дело, укусил, и сын тоже стал вампиром. Вернувшись, гад, в Москву и начал по ночам высасывать кровь из хорошеньких девушек. Тогда жених одной из них его выследил и прикончил.

– И что? – с делано равнодушным видом спросил Шведов.

– Ну... Что-что? – переспросил Никита. – Вампиру, как известно, надо или воткнуть в сердце кол, или отрезать голову.

– А этому что – не отрезали?

– Кто ж его знает? – Никита сунул в точилку карандаш и стал аккуратно ввинчивать его внутрь.

– Не слушай его, Дима, – вмешалась Катя. – Даже если призрак в самом деле существует, ему до журнала «Все о банках» никакого дела нет. Вряд ли он интересуется процентными ставками.

Шведов хмыкнул, гордо вышел и заперся в своем кабинете. Андрей выразительно постучал себя пальцем по лбу, а Катя уткнулась носом в сложенные ладошки.

– Ш-ш-ш! – прошипел Никита и сделал страшные глаза.

Во время обеденного перерыва, когда Шведов отправился заправляться, они, перебивая друг друга, рассказали Элле про сына графа Дракулы.

– И он поверил? – с сомнением спросила та.

– Он не то чтобы поверил, – усмехнулся Никита, – но маленькая противная мыслишка все-таки угнездилась в его подсознании. Надеюсь, с этого момента у него пропадет желание задерживаться в кабинете допоздна.

Шведов и в самом деле убежал в этот вечер домой раньше всех и трусливо попросил Катю Бурцеву запереть офис.

– Однажды он тебя все равно обнаружит, – испортил всеобщее ликование Никита. – Рано или поздно, девочка, тебе придется легализоваться. Не можешь же ты и в самом деле стать штатным призраком редакции!

Элла понимала, что он прав. Существовать вне закона оказалось очень тяжело – она толком не спала и не ела, умы-

валась холодной водой, а уж настроение у нее было хуже некуда.

– Но я ведь ни в чем не виновата! – воскликнула она гневно.

– Никита прав, – серьезно сказала Катя. – Сейчас ты у милиции – главная подозреваемая. Тебя она и будет искать. Надо вернуться домой и отстаивать свою невиновность в открытую.

– Потерпите еще немножко, а? – жалобно попросила Элла. – Мне нужно с духом собраться. Четко решить, как действовать.

Весь следующий день она честно пыталась придумать, как же ей действовать. После шоу Григорчука Элла поняла, что, пожалуй, ничего не знает о настоящей жизни своего мужа. Возможно, если она узнает больше, то поймет, кто мог его убить. И за что. С одной стороны, Надя Степанец идеально подходит на роль убийцы – у нее мог иметься ключ от квартиры, и у нее был повод выйти из себя. Орудие убийства тоже вписывалось в образ – именно женщина способна использовать в момент нападения кухонную утварь. С другой стороны, Астапов был отцом Шурика и, как поняла Элла, содержал Надю и ребенка. Даже разъярившись, практичная Надя должна была учитывать это обстоятельство. Хотя...

«Нет, безусловно, эту Надю необходимо проверить на вшивость, – решила Элла. – Поговорить с ней самой и с кем-то из ее окружения. Послушать, что она скажет и что скажут

о ней и ее отношениях с Астаповым друзья и знакомые. Интересно, как она среагирует, если я появлюсь перед ней? Со стыда, конечно, не сгорит, поскольку считает меня душой, но все-таки!»

Когда здание опустело, Элла решила еще раз позвонить сестре и разведать обстановку. С момента убийства прошло больше недели, и ситуация вполне могла измениться.

– Где ты прячешься? – прошипела Римма, услышав ее голос. – Нас тут всех трясут, как плодоносящую черешню! Борис пообещал полцарства тому, кто тебя отыщет!

– По-прежнему хочет меня сдать?

– Эллка, ты не понимаешь! Без тебя ничего не распутается!

– Интересно, что он тебе посулил за сотрудничество? Шубу или браслет?

– Зря ты так, – с чувством сказала Римма. – Ты же знаешь, как он тебя любит!

– Он любит маму, а вовсе не меня. Я – всего лишь ее бесплатное приложение. Как, впрочем, и ты.

– В любом случае мне ты можешь сообщить, где находишься.

– Что ты говоришь? – с иронией спросила та. – Скажи лучше, продвинулось ли вперед следствие?

– Откуда я знаю? – сердито буркнула Римма. – Это меня постоянно допрашивают, как Мальчиша-Кибальчиша. А мне ничего не рассказывают. Но, судя по поведению Бориса, ты все еще кандидатка на главную роль.

– Милиционеры что там, с ума посходили? – плаксиво начала Элла и тут услышала, как где-то ухнул лифт. Ухнул и глухо загудел. – Я больше не могу говорить! – крикнула она и бросила трубку.

Лифт тем временем доехал до ее этажа и удовлетворенно тренькнул. До Эллы донеслись приглушенные мужские голоса и осторожные шаги. Она тотчас решила, что это милиция, и заметалась по кабинету. Когда в замке стал поворачиваться ключ, она нырнула в свое убежище и заперлась, скрючившись возле двери.

– Здесь это и происходит! – донесся до нее приглушенный и торжественный голос Димы Шведова.

«Вот зараза! – подумала Элла. – Бдительный, как чекист. Неужели привел с собой мента?» Через минуту стало ясно, что Шведов привел не мента, а экстрасенса.

– Я работаю с рамкой, – заявил тот голосом низким и густым, словно зимние сумерки. – Вы можете присесть вон там, а я начну с большой комнаты. Потом перейду в ваш кабинет. Посмотрим, что тут у вас за аномальные явления.

– Хорошо, господин Адаменко, – покладисто согласился Шведов, у которого с определенного момента вся страна стала населена исключительно господами. – Я вам не помешаю.

За дверью повисла тягучая тишина, которую изредка нарушало поскрипывание офисного кресла: вероятно, Шведову не сиделось на месте и он вертелся, словно непоседливый ребенок. Элла старалась дышать тихо, и от этого, а может, от

страха, ей не хватало воздуха.

– А здесь что? – вдруг спросил невидимый Адаменко прямо у нее над ухом, но с другой стороны двери. От неожиданности Элла отшатнулась и, не удержав равновесия, села прямо на пол. – Смотрите, рамка просто взбесилась!

«Еще бы она не взбесилась, – подумала Элла, стоя на четвереньках. – Она ведь меня почуяла». Она давно смирилась со своим невезением и старалась относиться к нему философски.

– Это пустая комната – тотчас же вскинулся Шведов. – Там начали ремонт, но на какое-то время работы заморозили.

– Ее нужно осмотреть, – заявил Адаменко.

– Конечно! – Шведов принялся беспорядочно выдвигать ящики. – У меня здесь где-то есть ключ. Я взял его у рабочих на случай непредвиденных обстоятельств. Нет, кажется, он в конторке у входа.

«Ну точно чекист!» – с ненавистью подумала Элла, отползая от двери. Впрочем, ее ненависти некогда было даже оформиться во что-то значительное. Следовало тотчас же придумать, куда спрятаться. Но куда спрячешься в пустом помещении? Воспользовавшись тем, что Шведов и Адаменко вышли из кабинета и громко переговаривались, отыскивая ключ, она подкралась к окну и, осторожно открыв раму, выглянула наружу. На улице было ужасно – к ночи потеплело, и ветер носился вокруг здания, смешивая снег с дождем.

С девятого этажа машины на стоянке казались игрушечными. У Эллы захватило дух. Нет, это непроходной вариант.

Голос Адаменко, вошедшего в раж вслед за своей рамкой, к этому моменту стал казаться ей просто страшным. Она представляла экстрасенса огромным мужиком с черными усами вразлет и зубами, как у Щелкунчика. Когда он затоптался возле двери, подначивая Шведова поскорее открыть ее, Элла уже перебросила одну ногу через подоконник. «Непроходной, – в ужасе подумала она, – но единственно возможный».

Под окном проходил узкий карниз, на котором могли сидеть только голуби. Однако внимание Эллы привлекли две железные скобы, неизвестно зачем вделанные в стену. Она сняла и спрятала очки, извиваясь, вылезла наружу и, держась за скобы, угнездилась на карнизе, присев на корточки. Затем отпустила одну руку и потянула на себя раму. Она хлопнула, и окно закрылось.

Минуту спустя Элла поняла, что сваляла дурака. Лучше немедленно сдаться, чем полететь с девятого этажа задницей вниз. Мало того, что было до обалдения страшно чувствовать под собой бездну, еще и скобы оказались такими холодными, что пальцы отказывались держаться за них и все время норовили разжаться. Снег с дождем мгновенно промочил ее с ног до головы, волосы облепили щеки, как будто она только что ныряла в пруд. «Видок у меня, наверное, еще тот», – пронеслось в ее голове.

На самом деле вид у нее был еще хуже, чем она думала. Дело в том, что одна секретарша с двенадцатого этажа вывела за окно сумку с мясом и благополучно про нее забыла. Поскольку столбик термометра пополз с ноля на плюс, мясо потекло. Элла была вся мокрая и потому не чувствовала, что на нее что-то там капает сверху и кровавыми потеками стекает по лбу и щекам, оставляя при этом на блузке бурые пятна.

Когда Шведов и Адаменко справились, наконец, с дверью, створка от сквозняка слегка приоткрылась. Адаменко тут же двинулся к окну, радостно сказав:

– Видите, тут просто ветер гуляет! Ничего аномального.

Элла решила, что с нее хватит, и привстала. Сейчас она влезет в комнату, улыбаясь во весь рот, чтобы сразу стало понятно, что это такая шутка.

– Тут не ветер гуляет, а вампир! – упрямо сказал Шведов, вероятно, продолжая только что начатый спор.

– Нет тут никакого вампира! – веселым басом ответил экстрасенс и рванул на себя раму.

В окне возникла жуткая окровавленная голова с выпученными глазами и оскаленными зубами.

– Ку-ку! – радостно сказала голова.

Господин Адаменко отшатнулся, потом сделал грациозный пируэт на одной ножке и, завизжав, как ошпаренная собака, помчался вон из комнаты, расшвыривая стулья, попадавшие на пути. Шведов, который в самый драматический

момент отвлекся и головы не видел, на пару секунд остолбенел, потом востропел и кинулся вслед за ним.

– Куда же вы, господин экстрасенс? – кричал он изумленным голосом.

Судя по стремительно удаляющемуся вою, господин экстрасенс выскочил на лестницу и понесся вниз, словно маленький, но смертоносный ураган. Элла, которая не ожидала ничего подобного, кряхтя, влезла обратно в комнату и поскорее закрыла окно. Она так замерзла, что никак не могла унять крупную дрожь, сотрясавшую тело. Все, больше прятаться нет смысла. Да и возможности никакой нет. Сейчас вернется Шведов, и она ему во всем признается. Пусть он вызывает милицию, чекистов, кого угодно.

С мокрой одежды на пол натекла большая лужа, и Элла поспешно начала стягивать с себя блузку. Потом вспомнила, что в шкафу у Шведова есть полотенце. Сбегала за ним и вытерла им голову и лицо, удивившись, отчего это оно так перепачкалось. Вроде бы она ничем не поранилась. Или поранилась, но от холода и страха не заметила? Элла нашла в шкафу пакет и засунула в него все, кроме нижнего белья. Объясняться со Шведовым придется, завернувшись в его собственный плед.

Она полезла в шкаф за пледом и тут услышала, как лифт снова клацнул и этаж огласил холодный женский голос:

– Дмитрий! Дмитрий, ты здесь, черт тебя побери?

Пледа в шкафу почему-то не оказалось, и Элла влезла

внутри. На плечиках тоже ничего не висело. Вероятно, Шведов по прибытии свалил верхнюю одежду в какое-нибудь кресло. Поэтому прикрыться оказалось решительно нечем. Единственная радость – стоять можно было в полный рост.

Где-то далеко внизу снова завизжал господин Адаменко. К его визгу добавились гудение лифта и раздраженные шаги женщины, которая вошла в кабинет и, судя по всему, осматривала его.

– Кто здесь? – раздался через минуту голос Шведова откуда-то из глубины коридора. Голос вибрировал от ужаса. – Учтите, я вооружен! У меня есть крест и осиновая палка.

– Дмитрий, ты что, спятил? – выплюнула невидимая посетительница и зацокала шпильками по полу. – Немедленно иди сюда!

– Господи, ты-то как сюда попала?! – воскликнул материализовавшийся в кабинете Шведов.

Если бы Элла нашла хоть что-нибудь из одежды, она немедленно вылезла бы из шкафа. Но обнаружить себя перед всеми в neglige? Нет, это уж слишком!

– Что ты тут делаешь? – снова спросил Шведов, клопоча от раздражения. Элла отлично знала этот его тон. Таким тоном он разговаривал с уволенной не так давно секретаршей, когда та сообщала: «Вам опять звонют!»

– Я что тут делаю? – воскликнула женщина, сделав ударение на местоимении «я». – Это что ты здесь делаешь? – Теперь ее гнев пал на слово «ты». – Что-то ты в последнее

время стал такой занятой! Не приходишь к ужину, читаешь какие-то ужасные книги, увливаешь от ответов на прямые вопросы...

«Жена! – тут же поняла Элла. – Очень вовремя». Жена Шведова была для сотрудников редакции чем-то вроде локхесского чудовища: все знали, что она есть, но никто ее не видел.

– Господи, – взвился тем временем шеф. – Но ты же знаешь, Вера, что я всю неделю задерживался на работе!

– На твоей работе тоже водятся женщины! – отрезала Вера и принялась щелкать зажигалкой. Потом пыхнула пару раз и сказала: – Ну, так как? Ты сам признаешься или мне устроить представление?

– Я только что пережил одно представление! – В голосе Шведова появились визгливые интонации. – Немедленно уезжай домой, Вера!

– Щас! – ответила та с таким чувством, что сразу стало понятно – домой ее можно увезти только силой. – Кто тут у тебя был?

Шведов вздохнул и устало ответил:

– Экстрасенс.

– Да? И что же вы делали тут вдвоем с экстрасенсом? – преувеличенно ласково поинтересовалась Вера. – Вызывали дух Мэрилин Монро?

– Да что ты понимаешь?!

– Я понимаю все! – отрезала она. – Еще моя бабка говори-

ла, что доверчивые жены спят на холодных простынях. Признавайся, где твоя любовница?

– Где моя любовница? – с приторной улыбкой переспросил Шведов. – В шкафу, конечно! Здесь же больше негде спрятаться! Вот она, смотри! Хорошенькая?

Шведов, не глядя, распахнул шкаф, оставшись за створкой. Взору Веры предстала Элла в бельишке наивного розового цвета. Она стояла, прикрываясь ручками, а на губах ее цвела виноватая улыбочка.

– Отлично! – сказала Вера, выронив изо рта сигарету. Она оказалась высокой брюнеткой с такими жгучими глазами, что от их взгляда у Эллы загорелись щеки. И удивленно добавила: – Шведов, да ты, оказывается, скотина.

– Да, я скотина! – с удовольствием согласился тот, толкнув дверцу шкафа обратно. – Давай остановимся на том, что я скотина, и завершим разговор. Ты поедешь домой, а я останусь тут и закончу свои дела.

Вера с некоторым сомнением посмотрела на него и сказала:

– Я от тебя такого не ожидала.

– Какого – такого?

Элла неподвижно стояла в шкафу, ожидая решения своей участи.

– Дмитрий, ты циничен.

– И в чем же заключается мой цинизм? В том, что я прошу тебя уехать? Вера, пойми, сегодня вечером я пережил стресс.

Мне необходимо немножко разрядиться. А твое присутствие этому не способствует.

– Я, конечно, подозревала, что ты свинья, – заявила Вера. – Но даже помыслить не могла, какого размера. Кстати, купи своей девке нормальное белье. Или тебя особенно возбуждают именно хлопчатобумажные трусы фабрики «50 лет Коминтерну»?

Она процокала каблуками мимо шкафа, потом процокала по коридору, вошла в лифт и уехала, оставив Шведова раздумывать над своими последними словами. Элла в тесном убежище отчаянно надеялась, что у шефа неостанется смекалки залезть в шкаф. Однако не прошло и минуты, как тот медленно подошел и открыл дверцы. Надо отдать ему должное: когда он увидел Эллу, на лице его не дрогнул ни один мускул.

– Астапова! – процедил он. – Как я сразу не догадался? – Стало понятно, что ни один мускул не дрогнул потому, что их все свело от ярости. – Зачем ты сюда залезла?

– Погреться, – не задумываясь, ответила Элла.

– А почему ты голая?

– Потому что вещи дома, а домой мне нельзя!

– Хочешь сказать, что все это время ты жила в моем шкафу?!

Почувствовав угрозу в его голосе, Элла немедленно ударила в слезы:

– А что мне, интересно, было делать, когда ты пообещал

следователю сдать меня ему со всеми потрохами?

– Сдавать я тебя не буду, а потроха твои мне хочется выпустить.

– Я слышала, как ты сказал, – она передразнила: – «Господин капитан, я для вас принесу Астапову на блюдечке с голубой каемочкой!»

– А ты что, хотела, чтобы я вышел на демонстрацию с плакатом «Астапова – святая»? Конечно, я ему пообещал, дура ты эдакая.

Он нашел плед и протянул ей, пробормотав:

– Фигура у тебя, Астапова, хорошая, а вот голова подкачала.

– Хочешь, я поговорю с твоей женой и все ей объясню? – неожиданно предложила Элла.

– Могу себе представить последствия беседы, – пробормотал Шведов и показал рукой на диванчик. – Садись, несчастье ходячее. Расскажи папе Диме всю историю с самого начала.

Элла послушно плюхнулась, куда было велено, и, поджав под себя ноги, принялась рассказывать. Прошло уже достаточно времени с того ужасного вечера, который предшествовал убийству, чувства немного улеглись, и рассказ получился довольно связный.

– И что же мне прикажешь теперь с тобой делать? – спросил Дима, глядя на нее в глубокой задумчивости. – Здесь тебя оставлять нельзя, однозначно. Кстати, это ты так напугала

господина Адаменко? Полагаю, ты висела за окном?

– Я просто сказала «ку-ку», он сам испугался. Ты, Дим, не переживай! Я найду, куда съехать. Позвоню маме с сестрой, и мы все утрясем.

– Ничего вы не утрясете, – рассердился Шведов. – Господи, отчего-то, Астапова, мне не хочется, чтобы тебя упекли в тюрьгу. Тем более что я на сто процентов уверен в твоей абсолютной невинности. Даже если бы ты решила кого-нибудь ухлопать, финт бы не удался. Не знаю – что, но что-нибудь случилось бы обязательно. Погас бы свет в квартире, выбило смерчем окно или у сковородки отломилась бы ручка. Ну, ты меня понимаешь...

Элла уныло кивнула. Она понимала все очень хорошо. Она – невезучая, и, судя по всему, наступил пик ее невезучести. Шведов тем временем заложил руки за спину и принялся расхаживать по кабинету.

– Слушай, у меня появилась идея! – удивленно сказал он через некоторое время. – Ты ведь в курсе, что мы с твоим отчимом бывшие одноклассники?

– Ну да, – кивнула Элла, заинтересованно глядя на него. – И что?

– Вместе с нами в классе учился такой Женька Овсянников. Сейчас он заделался частным детективом, и Борис нанял его для того, чтобы он тебя нашел.

– Вот это здорово! – воскликнула Элла и побледнела. – Мало мне милиции, так еще и приемный папочка сыплет

соль на хвост.

– Борька не собирается сдавать тебя в милицию! – отмахнулся Шведов.

– Он собирается уговорить меня сдаться милиции. Невелика разница!

– Речь сейчас совершенно не об этом. Дело в том, что Женька звонил мне несколько дней назад и просил найти ему секретаршу. Я сразу отказался. Он предложил слишком маленькую зарплату – хочет свалить на нее кучу дел, но чтобы она их делала почти что на голом энтузиазме.

– И что? – с подозрением спросила Элла. – Если я верно догадалась, тебе пришла в голову шальная идея устроить на это место меня?

– Да, – удовлетворенно кивнул Шведов. – Представляешь, какая это будет фишка? Овсянников ведет поиски собственной секретарши! Умереть – не встать! Я представлю тебя своей двоюродной сестрой... Ой, прости-прости! Племянницей. Устраивает?

– Ты вообще в своем уме? – завопила Элла и попыталась вскочить на ноги. Плед упал к ее ногам, и Шведов тут же демонстративно прикрыл глаза ладошкой.

– Ни-ни-ни! – закричал он. – Астапова, немедленно оденься. Твой отчим оторвет мне все, что отрывается, если я начну к тебе приставать.

– С чего вдруг ты будешь ко мне приставать? – обиделась Элла, подхватывая свое импровизированное одеяние.

– Ничего себе вопросы! Во-первых, ты почти голая, а во-вторых, жена уже устроила мне сцену ревности. Я вполне могу позволить себе интрижку.

– Ну какая интрижка, Дим! У меня мужа убили, а ты...

– Какой он тебе муж? – потемнел челом Шведов. – Одно название. Ты же сама сказала – изменял. Да и ты замуж выходила не по большой любви, а так – потому что время пришло. Разве не правда? Кроме того, все знали, что Астапов – карьерист и женился на тебе из-за твоего родства с Борисом.

– Неправда! – сказала Элла. – Единственное, что я могу вспомнить действительно хорошего об Игоре, так это как раз то, что он не знал, кто я, когда со мной познакомился.

– М-да? – спросил Шведов с сомнением.

– М-да, – передразнила его Элла. – Это, Дим, моя маленькая личная тайна. То, что согревало меня весь год замужества. Все думали, что Игорь женился по расчету, но, когда он пришел в редакцию, он понятия не имел, кто у меня отчим. И сразу обратил на меня внимание. Он влюбился в меня, что бы там ни говорили!

– Хорошо-хорошо, – пробормотал Шведов. – Он влюбился, он женился... Но теперь его убили, Элла, и подозревают в убийстве тебя. Я предлагаю тебе не только отличное убежище. Работая у Овсянникова, ты сможешь быть в курсе того, как идет следствие. Держать руку на пульсе. Кстати, ты ведь сама мне сказала, что хочешь попытаться найти убийцу. Как ты это сделаешь, сидя у меня в шкафу?

– Дим, ну ты вообще понимаешь, что предлагаешь? Овсянников меня ищет. Борис наверняка снабдил его моими фотографиями. Мне что, сделать пластическую операцию, чтобы он меня не узнал? Приду к нему наниматься на работу – здрасьте!

– Да изменить внешность ничего не стоит! – уверенно возразил Шведов. – Кроме того, насколько я разбираюсь в психологии, самый лучший способ спрятаться – привлечь к себе внимание. Но так, чтобы никто не догадался, что ты – это ты.

– А где я буду жить? – спросила Элла, немного подумав, и Шведов понял, что это – капитуляция.

– Сиди тихо! – приказал он и схватил телефонную трубку. Потом поглядел на часы и пробормотал: – Двенадцатый час ночи. Он должен быть дома.

Тут ему ответили, и он радостно закричал:

– Алло! Жека? Жека, это я, Димон. Ну да. На работе, а что? Звонил моей жене? Сочувствую. Мы с ней разругались в пух. Из-за племянницы. Ко мне племянница попросилась пожить – у нее сейчас с жилплощадью проблемы. Так Верка встала на дыбы. Почему? Дурак ты, Жека. Потому что племянница слишком хорошенькая. Так вот, Жека, я предлагаю тебе ее в качестве секретарши. Ты ведь еще никого не нашел? Да я знал, что не найдешь. Только, Жека, с условием. Она у тебя будет ночевать и питаться. Это не я нахал, это ты дурак, если думаешь, что нормальная баба согласится на такую зарплату. У тебя же есть лишняя комната! Даже две

лишние комнаты, если мне не изменяет память. Какая тебе разница, сколько ей лет. – Шведов с сомнением поглядел на Эллу и соврал: – Ну, двадцать шесть.

Элла закатила глаза, но он не обратил внимания. И когда положил трубку, с победными интонациями в голосе сказал.

– Кланяйся папе Диме, тебя взяли. К Жеке поедem прямо сейчас.

– Но мне нечего надеть!

– Уж конечно, я не собираюсь везти тебя к работодателю в розовых трусах, – ехидно заметил тот. – Я велел бухгалтеру оформить тебе отпуск и готов выплатить отпускные. На них мы купим тебе одежду. Обещаю, что до тех пор, пока тебя не оправдают, я на твое место никого не возьму.

– Спасибо, Дим, – растроганно сказала Элла. – А что делать с моим лицом и прической? И с очками?

– Наверное, надо с кем-нибудь посоветоваться, – Шведов почесал макушку и оживился: – О! Моя жена. В сложных ситуациях я всегда с ней советуюсь.

– Жена? – потрясенно переспросила Элла, но шеф от нее отмахнулся.

Он бросился к телефону и, пританцовывая, набрал свой домашний номер.

– Вера! – оживленно крикнул он в трубку. – Ты мне нужна! Та девица, которую ты обнаружила в шкафу, скрывается от милиции. Я по-ня-тия не имел, что она там сидит. Клянусь. Я решил спрятать ее у Жеки Овсянникова, пока все не

рассосется. Астапова. Падчерица Борьки Михальченко. Это он ее ко мне устроил. Понимаешь, Жека как раз сейчас ее ищет. У него фотографии, то-се. Так что надо с ней что-нибудь сделать. Я понятия не имею – что. Могу купить ей платье, на этом моя фантазия заканчивается. Приезжай, а?

Он бросил трубку и, радостно потирая руки, воскликнул:
– Она уже едет!

Приехав, Вера критически оглядела Эллу и сказала:

– Ничего особенного. Гладко причесать волосы, собрать в пучок. Сильно накраситься. Снять очки и вставить контактные линзы.

– Контактные линзы нельзя, – не согласился Шведов. – Она их потеряет или раздавит туфлей. Для нее это норма жизни.

– Тогда другие очки. Оправа в другом стиле.

– Лучше две-три оправы, – снова встрял Шведов.

– Я привезла косметику, – сказала Вера. – Элла, вы готовы к преобразению?

Элла мужественно кивнула. Вера наложила на ее лицо щедрый слой крем-пудры, подвела глаза, густо накрасила ресницы тушью, тени положила до бровей. Рот обвела алой помадой. Потом полила ее голову жидкостью для укладки волос и соорудила пучок, как у балерины.

– Яка гарна дивчина! – изумился Шведов. – И кто бы мог подумать?

Элла сунула нос в пудреницу и сделала большие глаза: от-

туда на нее смотрела весьма яркая молодая дама с красивой линией губ и выразительными глазами.

– Я думала, что буду похожа на продажную женщину! – простодушно призналась она. – Но получилось неплохо.

– Больше, чем неплохо! – пробормотал Шведов.

По дороге к Овсянникову они заехали в салон «Очкарик», который украшала вывеска «Очки за один час». Пока очки делали, компания завернула в магазин одежды. Вера всунула свою новую подопечную в тесные вельветовые штаны и короткий черный свитер. Шведов оплатил также новую куртку, сапоги и сумку.

– Борька меня убьет, когда узнает, – пробормотал он, втайне любуясь тем, что у них получилось. – И вот что, Астапова! Постарайся ничего не ронять и не портить. Я понимаю, что это зачастую не в твоих силах, но все-таки следи за собой. Жека мужик умный, за это я ручаюсь. И старую сумку с документами мне отдай – он может полюбопытствовать, пока ты будешь в душе или в туалете. Все-таки сыщик!

Элла отдала ему сумочку, тайком вытащив оттуда ключи от своей квартиры. Мысль о том, чтобы войти туда, приводила ее в ужас. Однако откуда в этом случае начинать расследование, как не с места преступления?

4

Когда Жека Овсянников открыл дверь и увидел Элли, то сразу же воскликнул:

– Ого!

Она тоже хотела воскликнуть «Ого!», потому что этот самый Жека оказался здоровенным мужиком с перебитым носом и длинной светлой челкой, падавшей на один пыльный глаз. Второй пыльный глаз был откровенно синим, без всяких оскорбительных крапинок и обводок. «Он ужасно некрасивый! – пронеслось в голове у Элли. – Неправильные черты лица, слишком большой рот, слишком близко посаженные глаза». Однако смотрела она на него не отрываясь и, кажется, даже забыла, зачем пришла.

– Очень приятно познакомиться. Евгений, – сказал Овсянников, нимало не смущаясь, и насмешливо улыбнулся. И протянул ей огромную лапу – поздороваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.